

Цинь Баньбань и Ло Майэр, две маленькие девочки, хлопотали во дворе семьи Цинь снаружи и внутри, будто устраивали гнездо для щенка. Щенкам из дома Линь Синь-нян уже исполнилось три месяца, их можно было забирать домой и растить. Как раз сегодня погода была тёплой, и Ло Майэр принесла того чёрно-жёлтого щенка, а заодно позвала Баньбань вместе делать ему будку. Место они выбрали у глиняно-деревянного стеллажа возле стены рядом с кухней. Там семья Цинь обычно складывала дрова, а внизу как раз оставалось пустое пространство, подходящее для собачьего гнезда. Сверху лежали доски, по бокам были дрова: и от ветра защищало, и от дождя, место было хорошее.

Неизвестно, откуда две девочки притащили сухую траву, но собачье гнездо они выстлали толстым слоем. Места было просторно, даже когда щенок вырастет, сможет там спать. Только сейчас оно было чересчур просторным: стоило щенку лечь внутрь, как он казался совсем крошечным.

Едва они закончили стелить гнездо, Ло Майэр услышала звон колокольчика. Уши у неё словно шевельнулись, она высунула голову из собачьего гнезда и сказала Цинь Баньбань:

— Кажется, я слышу колокольчик нашего Хэй Дачжуана!

«Хэй Дачжуан» - имя, которое Ло Майэр дала их ослу. На шее у осла висел медный колокольчик размером с девичий кулачок, и когда он шёл, звенел: динь-динь-дан-дан.

Цинь Баньбань тоже выбежала наружу и действительно увидела, что подъезжает ослиная повозка, а на ней сидят брат Лю и второй брат.

— Брат!

Цинь Баньбань сначала помахала им рукой, лицо её расплылось в широкой улыбке, а в следующий миг она приподняла подол юбки и побежала обратно, крикнув Цуй Ланьфан на кухню:

— Мама! Брат Лю и второй брат вернулись!

Лю Гуюй и Цинь Жунши уже добрались до ворот дома, сошли с ослиной повозки и пошли во двор. Но едва они миновали калитку в плетёной ограде, как щенок величиной с носовую козявку вцепился зубами в штанину.

Лайцай скулил и тявкал, изображая грозного молочного сторожа: ещё даже не разобрался, где его новый дом, а уже начал охранять двор, только жаль, что собственных хозяев пока не всех узнал!

— Ай-я! Какой милый!

У Лю Гуюя при виде маленького щенка глаза сразу засветились. Он присел, подхватил его в объятия и несколько раз как следует потрепал пушистую головёнку.

Щенка вырастили очень хорошо: голова круглая, сам круглый, животик тоже выпуклый. Оказавшись у Лю Гуюя на руках, он сразу принялся жалобно поскуливать и дёргать лапками, пытаясь вырваться на землю.

Ло Майэр, увидев их двоих, тоже очень обрадовалась, но она ещё помнила, зачем Лю Гуюй и Цинь Жунши сегодня выходили из дома, и спросила с видом маленького взрослого:

— Ну как? Всё гладко? Цинь-эрлан сможет войти в академию Лумин?

Цинь Жунши кивнул ей. Ло Майэр тоже обрадовалась, с криком «о-е!» подпрыгнула, сначала небрежно сказала Цинь Жунши: «Поздравляю», а потом повернулась к Лю Гуюю и весело сказала:

— Лю-гэр, ты такой потрясающий! Я пойду расскажу матушке и брату, они точно тоже обрадуются!

Лю Гуюй:

— ???

Кто потрясающий? Я?

Лю Гуюй, который за всё время ничего не сделал и даже немного подремал, прислонившись к старой сосне, указал на себя, полный недоумения. Но он ещё не успел спросить, как Ло Майэр уже возбуждённо выбежала наружу, заодно уведя с собой своего Хэй Дачжуана.

В это время из кухни вышла Цуй Ланьфан. Она шла и вытирала руки о передник, а увидев Лю Гуюя и Цинь Жунши, стоящих во дворе, вся засветилась. Она раскрыла рот, но так и не решилась спросить.

Хотя она не спросила, Лю Гуюй знал, что тревожит её больше всего. Он быстро-быстро закивал и сказал:

— Получилось! Наш эрлан теперь ученик академии Лумин! Наставник сказал: после Праздника Фонарей пойдёт учиться!

Услышав эти слова, Цуй Ланьфан от волнения расплакалась, сложила ладони перед грудью и радостно забормотала:

— Хорошо-хорошо-хорошо, это Небесный царь и бодхисаттва благословили!

Сказав это, она вытерла слёзы, выступившие от радости, снова потянула к себе Цинь Жунши и Лю Гуюя и несколько раз повторила: «Хорошо». Лишь спустя долгое время Цуй Ланьфан наконец успокоилась, посмотрела на Лю Гуюя и с улыбкой сказала:

— Гуюй, разве в прошлый раз ты не говорил, что хочешь поесть какой-то там куриный суп в горшке? Я всё уже приготовила, только вас ждала! Скорее идите в дом есть.

Говоря это, она потянула Лю Гуюя на кухню. На деревянном тазу стояли два маленьких бамбуковых решета. Одно было выстлано слоем нежных зелёных капустных листьев, а сверху лежали нарезанные ломтики куриного мяса. Цуй Ланьфан была опытной хозяйкой и ножом владела неплохо: куриные ломтики она нарезала очень тонко и замариновала с кизилом, сычуаньским перцем, луком и имбирём.

В другом решете лежали свежие овощи: зелень и редька из собственного огорода, а также дикие травы, выкопанные в горной ложбине, - астрагал, такой нежный, будто из него можно выжать воду, дикий чеснок, травяные ростки... Зелень всех оттенков, от тёмного до светлого, доверху заполняла целое решето. В котелке тушился куриный бульон, сваренный на оставшихся куриных костях, и аромат уже давно разошёлся вокруг.

Называлось это куриным супом в горшке, но на деле больше походило на хот-пот с ломтиками мяса, да ещё с горстью диких трав - вкус должен был быть необыкновенно свежим.

Цуй Ланьфан ещё сказала:

— В котле ещё пампушки на пару стоят, потом вместе поедим!

Цинь Баньбань давно проголодалась, к тому же такого блюда она прежде никогда не ела. Брат Лю говорил, что такую еду надо тут же опускать в бульон и есть, так она вкуснее и свежее.

Лю Гуюй сначала подошёл к котелку, взял тряпку и приподнял крышку. Белый пар, обёрнутый ароматом, сразу ударил ему в лицо. Когда жар немного рассеялся, он взял ложку и перевернул ею бульонную основу. Куриный суп в котле всё ещё булькал. Цвет у него был золотисто-жёлтый, сверху плавал тонкий слой золотого жира, а запах куриного бульона становился всё гуще и наполнял всю кухню.

Убедившись, что всё в порядке, Лю Гуюй снова опустил крышку, затем наугад вытащил передник, повязал на пояс, зачерпнул воды и промыл нож с доской.

Потом распорядился:

— Эрлан, помоги мне почистить чеснок. Баньбань, сходи в огород, сорви горсть зелёного лука и

кинзы.

Стоило этим словам прозвучать, как брат с сестрой тоже принялись за дело. Цинь Жунши вернулся в комнату, положил сумку, взял две головки чеснока и сел рядом с Лю Гуюем чистить.

Лук и чеснок были выращены дома, не такие, как в современности, где зубчики крупные и белые. Эти были совсем маленькие: большие едва с палец, маленькие меньше ногтя, чистить их было очень хлопотно. Но у Цинь Жунши терпения хватало, да и руки двигались быстро. Он с этой стороны чистил, а Лю Гуюй с той сразу рубил.

Когда чеснок был мелко порублен, Цинь Баньбань тоже принесла вымытый зелёный лук и кинзу. Лю Гуюй взял всё разом, быстро нарезал в крошку, затем в миске смешал приправы и добавил ложку собственного соуса из рубленого перца чили. Так соус для обмакивания был готов.

Цуй Ланьфан не подошла помогать - она пила лекарство. Это лекарство она принимала уже пять месяцев, каждый день, и чем дольше пила, тем горше оно казалось; даже запах куриного супа переставал быть ароматным! Выпив лекарство, Цуй Ланьфан достала из бамбуковой баночки одну мягкую апельсиновую конфету и положила в рот, только так горечь понемногу растаяла. Ай, раньше ведь она не боялась горького, а теперь хорошие дни продлились всего ничего, а человек уже избаловался.

Цуй Ланьфан вздохнула про себя. Впрочем, мастерство у её Лю-гэра и правда хорошее: эти мягкие апельсиновые конфеты такие вкусные.

— Мама! — Цинь Баньбань заметила это, мелкими шажками подбежала к ней, подняла нежное личико и позвала: — Мама, я тоже хочу!

Пойманная дочерью с поличным, Цуй Ланьфан покраснела и готова была провалиться сквозь землю.

— Мама! Я тоже хочу! Дай и мне одну!

Баньбань будто не заметила неловкости матери; словно маленький воробушек, она кружила вокруг неё и без умолку щебетала.

Изменилась не только она сама, даже Баньбань стала куда более открытой. Подумав об этом, Цуй Ланьфан невольно смягчилась и поспешно взяла для дочери две мягкие конфеты, собственноручно положив их ей в рот.

Цуй Ланьфан ещё сказала:

— Это твоя невестка сделал, они очень сладкие.

Мать с дочерью разговаривали, а Цинь Жунши смотрел со стороны. Он не стал, как младшая сестра, подходить и выпрашивать сладости, только с невозмутимым видом наблюдал, словно говорил: только дети любят конфеты.

Только плачущему ребёнку дают конфету!*

(ПП: Это китайская народная мудрость, которая означает: «Тот, кто умеет жаловаться или привлекать внимание, получает больше, чем тот, кто терпеливо ждёт».

Лю Гуюй заметил это и, глядя на Цинь Жунши, стал над ним смеяться.

Цинь Жунши бросил на него взгляд и равнодушно сказал:

— Я...

Лю Гуюй кивнул и перебил его:

— Знаю-знаю, ты не любишь сладкое!

Цинь Жунши:

— ...

Пока Цинь Жунши застыл на мгновение, Цинь Баньбань уже подбежала к нему с мягкой апельсиновой конфетой и прямо сунула её ему в рот, улыбаясь и склонив голову набок:

— Второй брат, ты тоже ешь!

Накормив его, она очень быстро подбежала к Лю Гуюю и тоже дала ему одну - весьма справедливо.

Когда смех и шум улеглись, все взяли чашки и уселись вокруг жаровни с котелком. Два бамбуковых решета, полных овощей, и большая миска с пампушками стояли рядом.

Начали есть. Сначала опускали мясо, потом ошпаривали зелень. Тонко нарезанные ломтики курицы пару раз переворачивались в бурлящем котле, быстро меняли цвет и сворачивались по краям; их доставали в миску и ели с соусом для обмакивания - аромат был невероятный!

Ошпаренные дикие травы тоже были на вкус очень свежими. В этом году весна пришла рано, и на горе Сяюлю уже росло полно диких трав: за полчаса можно было выкопать целую корзину. Нежные зелёные ростки ошпаривались в курином бульоне, и вкус у них был и свежий, как у диких трав, и ароматный, как у куриного супа; есть их было почти не хуже, чем мясо.

— Как пахнет! Как вкусно! Брат Лю, ты просто небожитель! Откуда ты знаешь такие блюда? Из книг? - взволнованно воскликнула Цинь Баньбань.

Лю Гуюй виновато ответил:

— Ага-ага, именно.

Цинь Жунши, улучив момент, взглянул на него и сразу заметил в глазах Лю Гуюя эту виноватость, от чего не удержался и улыбнулся. Может быть... он и правда небожитель.

Всё же Цуй Ланьфан первой заговорила о серьёзном. Она спросила:

— Эрлан, как академия? Хорошая? Нужно что-нибудь подготовить?

Цинь Жунши ответил:

— Неплохая. Что до вещей... нужно взять одежду и одеяло с матрасом, повседневные вещи тоже надо взять.

Взять постель?

Цуй Ланьфан поспешно спросила:

— Ещё и одежду с постелью брать? Ночью домой не возвращаться?

Цинь Жунши кивнул и ответил:

— В академии есть спальные комнаты. Ученики, которые живут далеко, все остаются там, по двое в одной комнате. Занятия в академии начинаются в начале часа Чэнь, а заканчиваются только в конце часа Ю. Если возвращаться домой, боюсь, не успею.

Цуй Ланьфан тоже поняла, кивнула и снова спросила:

— А как часто дают отдых?

Эти вопросы Лю Гуюй ещё в повозке уже успел задать, поэтому помог ответить:

— Отдыхают в дни, что приходится на пятёрки: за месяц три выходных. В пятом месяце, когда заняты полевые работы, и в девятом месяце, когда выдают зимнюю одежду, есть по месяцу длинных каникул, ещё двадцать дней новогодних.

Цуй Ланьфан кивнула и тихо вздохнула:

— И правда тяжело... Потом ты будешь проводить в академии больше времени, чем дома. Тебе надо хорошо ладить с соучениками и соседями по комнате, в обычные дни побольше общаться.

Этот её сын был хорош во всём, только характер у него был слишком молчаливый, да и ровесников, с которыми он бы дружил, не было. Теперь, когда он пойдёт в академию, вокруг будут такие же учащиеся, возможно, он сможет завести друзей.

Цинь Жунши ничего не сказал, только кивнул в знак согласия.

Дни всегда проходили очень быстро, и в мгновение ока настал день, когда Цинь Жунши должен был отправиться в академию Лумин, а Лю Гуюй - снова выставить лоток. Из-за того что рядом больше не было Цинь Жунши, который помогал ему, Лю Гуюй взял с собой и Цинь Баньбань, чтобы она помогала на лотке.

Баньбань лишь в последний день прошлой храмовой ярмарки однажды ходила торговать, а потом больше ни разу не была, поэтому очень радовалась и от волнения проснулась с самого раннего утра.

Цинь Жунши должен был жить в академии, так что вещей взял немало; Лю Гуюй в первый торговый день после Нового года тоже должен был вести тележку, вещей было очень много, и ослиная повозка Линь Синь-нян никак не могла всё вместить. Но Цинь Жунши это заранее предвидел и ещё накануне с подарками сходил к деревенскому старосте, чтобы одолжить воловью повозку. В деревне многие знали, что маленький фулан семьи Цинь в городе ведёт торговлю едой, а Цуй Ланьфан ещё и собирала в деревне бамбуковые трубочки и бамбуковые шпажки; такое дело, как заработок, скрыть было невозможно.

Поэтому деревенский староста тоже ясно видел: дни семьи Цинь становятся лучше с каждым днём. А теперь он ещё услышал, что Цинь Жунши отправляется учиться в академию Лумин, и мысли у него оживились.

Эрлан из семьи Цинь с малых лет был умным ребёнком; теперь он вошёл в академию Лумин, и, боюсь, сдать экзамены для него будет не проблемой. В будущем у него большие перспективы.

На молодого сюая Лю из их деревни надежды уже не было: то, что он смог сдать на сюая, уже значило, что над родовыми могилами поднялся счастливый дым; дальше идти вверх ему,

пожалуй, было труднее, чем взобраться на небо. А вот Цинь-эрлан с детства был умён. Если бы в семье не случились перемены, кто знает, может, сейчас он уже тоже сдал бы на сюцай! Тогда в их деревне появился бы самый молодой сюцай во всём уезде!

Ай, прошлое не стоит вспоминать. Теперь семья Цинь снова поднималась, Цинь-эрлан опять начал учиться, и впереди у него были безграничные перспективы. Может, он ещё сдаст на цзюйжэня, станет чиновником и принесёт всей деревне Шанхэ славу!

Если смотреть так, несколько яиц, которые принёс Цинь Жунши, уже ничего не стоили. Лучше было дать его семье удобство и заодно наладить отношения с будущим господином-чиновником!

Но Цинь Жунши не хотел оставаться у других в долгу и всё же насильно сунул два яйца, так что воловью повозку у семьи деревенского старосты одолжил. Перед Цинь Жунши староста не мог сказать ничего жёсткого, поэтому всё-таки принял яйца и дал повозку, но в душе продолжал прикидывать: в будущем надо велеть своей жене почаще общаться с семьёй Цинь и побольше им помогать.

Несколько человек погнали повозку в Фушуй. Сначала проводили Цинь Жунши в академию Лумин, а уже потом Лю Гуй и Цинь Баньбань покатали маленькую тележку с едой к Восточному рынку.

Небо уже постепенно светлело. Мягкое солнце ранней весны ложилось на людей, с утра занятых делами, и тепло проникало прямо в грудь.

С началом новой весны всё на свете казалось прекрасным.

<http://bllate.org/book/17177/1718709>